

Истернизация культуры и истернизация
субкультур как тренды глобализации:
теоретико-методологический аспект в контексте
молодежных социокультурных практик

Easternization of culture and easternization
of subcultures as globalization trends:
theoretical and methodological aspects
in the context of youth sociocultural practices

А. С. Дорожкин

*исследователь, Гродненский государственный медицинский университет
(Гродно, Беларусь)*

A. Darozhkin

researcher, Grodno State Medical University (Grodno, Belarus)

E-mail: a.dorjkin08@mail.ru

Статья посвящена социокультурному измерению глобализации, не получившему на данный момент должной научной разработки относительно политического и экономического направлений в исследованиях указанного феномена. Основное внимание уделено рассмотрению истернизации культуры – восточного вектора ее динамики, который наряду с вестернизацией оказывает влияние на формирование и развитие не только глобальной культуры, но и множества бытующих в ее пространстве субкультур.

Ключевые слова: глобализация культуры, истернизация культуры, истернизация субкультур, молодежные субкультуры, картина мира, ценностно-смысловые установки.

The article is devoted to the socio-cultural dimension of globalization, which at the moment has not received proper scientific development regarding the political and economic directions in the studies of this phenomenon. The main attention is paid to the consideration of the westernization of culture – the eastern vector of its dynamics, which, along with westernization, influences the formation and development of not only global culture, but also many subcultures that exist in its space.

Keywords: globalization of culture, easternization of culture, easternization of subcultures, youth subcultures, picture of the world, value-semantic attitudes.

На протяжении всей истории культура в своей динамике характеризуется наличием двух ярко выраженных тенденций: первая из них раскрывается через возникновение противоречий и дальнейший поиск путей их решения, что определяет процесс культурного саморазвития; вторая находит свое отражение в процессах заимствования и ответной трансляции множества культурных элементов (мировоззренческих и ценностно-смысловых уста-

новок, символов, интеракций и практик, языка и пр.), что может быть рассмотрено в качестве двустороннего культурного обмена.

В свою очередь подобный обмен создает условия, необходимые для формирования глобальной культуры, ключевой характеристикой которой на современном этапе представляется укрепление международного сотрудничества в социокультурной сфере. Следует отметить, что указанное

сотрудничество, которое предполагает активное развитие и обогащение взаимодействующих культур, осуществляется посредством использования эффективных каналов массовой коммуникации.

Интерес представляет точка зрения российского философа О. В. Одеговой, согласно которой современная культура и ее «глобальность» могут быть рассмотрены с позиций мультикультурализма. В таком случае в обход тенденции к универсализации глобальная культура являет собой реальную рациональную систему, а именно «субкультуру, одновременно присутствующую во многих частях мира и охватывающую все нации и народы, живущие в различных национальных культурах и локальных идентичностях» [1, с. 133].

Вместе с тем очевидно наличие и иных подходов к изучению глобальной культуры: в частности, по мнению английского социолога и теоретика глобализации Р. Робертсона, «культура сама по себе занимает центральное место в глобальном контексте и ее нужно рассматривать с точки зрения мира как единого целого» [2, с. 15]. Необходимо обозначить, что сущностные основания культурной глобализации, ее специфика и модели развития изначально были рассмотрены ученым в рамках западной парадигмы.

Однако сегодня можно говорить о наличии как минимум двух направлений, определяющих форму глобализации в сфере культуры: одно из них «пролегает» с Запада на Восток (вестернизация), другое – с Востока на Запад (истернизация). Следовательно, современные исследования культурной глобализации не должны рассматривать ее как феномен, представляющий собой исключительно «культурный фрахт с Запада» [3] (по П.-А. Бергеру).

Изначально категория «истернизация» была использована «для описания ... восточного менеджмента в западных странах» [4, с. 3], а также «для изучения процессов адаптации западных экономических практик к особенностям культуры в странах Дальнего Востока» [5, с. 240]. В 1990-х гг. ввиду возрастающего влияния стран Востока на мировую политику и экономику термин «истернизация» стал активно применяться упомянутым ранее Р. Робертсоном в ходе анализа процессов глобализации и локализации [6].

Позднее неовеберианский критик К. Кэмпбелл в книге «Истернизация Запада» [7] представил концепцию для анализа социокультурных трансформаций в западных странах (в основном США), основываясь на понятиях М. Вебера о субкультуре, классе и статусе [8]. Как известно, в веберовской социологии религии, которую иногда рассматривают как социологию культуры, акценты смещены именно на социальные действия как ключевой фактор развития общества.

Обновленный К. Кэмпбеллом веберовский концепт «ориентации на другого» [8], по нашему мнению, правомерно был использован не только для изучения социальных практик в геополитической, экономической и религиозно-этической сферах, но и в ходе исследований современной социокультурной динамики с учетом факта взаимодействия мировых и локальных культур. В частности ученый обратил свое внимание не только на определенный спад западного влияния на глобализацию, но и, что важно, выделил ряд преобразований в культуре самого Запада, возникших вследствие его взаимодействия с восточными странами.

Согласно К. Кэмпбеллу, «Запад перестал быть Западом, а Восток, все еще уступая Западу в области экономики и военной мощи, на протяжении всего XX века (особенно начиная с 1960-х годов) начал оказывать большее влияние на западную духовную жизнь» [7, с. 27]. Развивая эту мысль, малазийский культуролог, профессор Ш. Наир-Венугопал отметила, что со временем «изменилось и отношение жителей западных стран к восточным культурам: они все чаще видели в них источник для обогащения собственных культур» [9, с. 69].

Говоря о глобализации в целом и истернизации в частности, также следует упомянуть книгу британского журналиста и аналитика Г. Рахмана «Подъем Азии и упадок Америки, от Обамы до Трампа и дальше» [10]. Переработанный и дополненный вариант издания был выпущен менее чем через год после его первого выхода из печати: причиной этому стало неожиданно быстрое развитие описываемых автором процессов по прошествии 2016 г.

В частности Г. Рахман, активно используя термин «истернизация», выявил тенденции к увеличению влияния Вос-

тока не только на западные державы, но и на весь мир в целом, а также высказал идею о том, что данный феномен «является определяющим трендом нашего века» [10, с. 6]. Вместе с тем автором были определены важнейшие экономико-политические реформы, проведенные Японией, Южной Кореей и Китаем, с целью расширения дипломатического сотрудничества с США и странами Европы.

Согласно Г. Рахману, в обозримом будущем протекание процесса глобализации, которая, несомненно, продолжит оказывать влияние на культурную динамику, зависит от характера взаимоотношений между гигантами Востока – Китаем, Индией и Японией. Долгосрочное прогнозирование сегодня осложняет ситуация, в которой три основных «игрока» (так автор называет руководящие элиты США, Китая и Индии) озабочены тем, какие трансформации происходят внутри их меняющихся обществ. Такое положение дел на мировой арене, по мнению Г. Рахмана, делает глобальный переход нерациональным и непредсказуемым [10].

В качестве промежуточного итога отметим, что рост влияния восточного региона действительно не ограничивается политико-экономическим аспектом. Более того, по нашему мнению, на современном этапе происходит активизация взаимодействия западных и европейских стран, в том числе Республики Беларусь, и государств Востока в вопросах развития культуры и искусств. К их числу, согласно О. В. Одеговой, можно отнести «возрастающую популярность восточных языков в сфере образования; проявление интереса к мировоззренческим установкам восточной философии, ментально-духовных представлений и поведенческих практик» [1, с. 132].

В подтверждение сказанному обозначим наличие немногочисленных, но содержательных работ, посвященных активизации культурного сотрудничества и кросс-культурной коммуникации между Западом и Востоком, авторами которых выступили О. А. Беляева [11], В. И. Ильин [12], Э. Сэлмон [13], М. А. Южанин [14] и др. Благодаря их научной деятельности круг вопросов, подвергшихся разработке, существенно расширился: в него вошли проблемы высшего образования, сохране-

ния и обогащения народной культуры, развития языка и др.

Несомненно, истернизация как актуальная тенденция в контексте формирования глобальной культуры прямо или косвенно рассматривается отечественными учеными, а также иностранными исследователями, получающими академические и ученые степени в Республике Беларусь, среди которых отметим В. Р. Языковича [15], А. А. Тозика [16] и В. Юя [17].

Вместе с тем ввиду растущей популярности достижений культуры Востока среди белорусской молодежи дополнительных исследований требуют темы, затрагивающие влияние истернизации не только на современную белорусскую культуру, но и на функционирование молодежных субкультур в нашей стране. Действительно, в последние 10–15 лет белорусская молодежь уделяет много внимания субкультурам Японии, Китая и Южной Кореи и активно обращается к их социокультурным практикам.

Наличие в Беларуси молодежных субкультур, готовых принять сегодня транслируемые с Востока мировоззренческие и ценностно-смысловые установки, также подтверждается увеличением числа приверженцев японской, южнокорейской и китайской художественной культуры, которые организуют работу множества неформальных дискурсивных объединений, сообществ любителей анимации, фильмов и многосерийных художественных проектов.

Прогнозируя дальнейший рост интереса белорусской молодежи к культурным и субкультурным практикам указанных выше стран, обозначим, что в рамках последующих комплексных исследований могут и должны быть изучены субкультуры Отаку (Япония) и «К-POP» (Южная Корея). Актуальность данного предложения определяется тем, что ежегодно тысячи молодых белорусов собираются на международных фестивалях корейской поп-культуры и современной молодежной восточноазиатской культуры (в качестве примера среди наиболее известных и масштабных вспомним «K-POP World Festival» и «EW13» – бывший «Хиган»).

Отметим, что западную культуру, даже при ее ярко выраженной модернистской направленности, не следует рассматривать как универсальную в контексте глобали-

зации, поскольку сегодня акценты смещаются с парадигмы вестернизации на дуальный концепт «вестернизация – истернизация».

Следовательно, при изучении социокультурного измерения глобализации важно принимать во внимание факт бытования обоих основных векторов проявления глобальной культуры, оказывающих непосредственное влияние на культурную динамику. По нашему мнению, в этой тенденции находит свое отражение не столько противоречивый характер процесса формирования глобальной культуры, сколько многогранность культурной глобализации. Опираясь на результаты проведенного теоретико-методологического анализа, можно утверждать, что на современном этапе влияние истернизации распространяется как на культуру в целом, так и на субкультуры в частности.

Принимая во внимание данный факт, а также рассмотренные ранее идеи К. Кэмпбелла, уместным представляется введение в категориально-понятийный аппарат культурологии дефиниции «истернизация субкультур».

В самом общем виде истернизация субкультур может быть определена как существенное влияние культуры Востока на

функционирование и развитие субкультур Запада (в том числе молодежных), которое выражается в частичном и избирательном заимствовании ими восточных мировоззренческих и ценностно-смысловых установок, символов, практик и иных культурных элементов с последующим принятием, отторжением или адаптацией под актуальные для них условия.

Подобная вариативность исходов в процессе истернизации субкультур объясняется с позиции того, что импорт всей мировоззренческой, аксиологической или символической системы в пространство принимающей культуры и, соответственно, субкультуры невозможен: на современном этапе происходит заимствование лишь отдельных культурных элементов, транслируемых с Востока, которые нередко воспринимаются в отрыве от общего социокультурного контекста. Благодаря активизации международного культурного сотрудничества, повышению эффективности кросс-культурных коммуникаций и утверждению идеи культурного многообразия недостающие элементы постепенно могут быть привнесены в динамично обновляемые социокультурные системы, одними из которых и являются молодежные субкультуры.

Список использованных источников

1. Одегова, О. В. Глобальная культура: миф или реальность? / О. В. Одегова // Язык и культура: сборник статей XXVII Междунар. науч. конф. (26–28 окт. 2016 г.). – Томск: НИ ТГУ, 2017. – С. 130–135.
2. Robertson, R. Globalization. Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London: Sage publications Ltd, 1992. – 203 p.
3. Berger, P. Four Faces of Global Culture [Электронный ресурс] / P. Berger // National Interest. – 1997. – Iss. 49. – Режим доступа: <https://goo-gl.me/Izm2i>. – Дата доступа: 11.07.2022.
4. Kaplinsky, R. Easternization – The Spread of Japanese Management Techniques to Developing Countries / R. Kaplinsky, A. Posthuma. – London: Routledge, 2004. – 344 p.
5. Hwang, H. Strategic Management under Duopoly / H. Hwang, C. C. Mai // Managerial and Decision Economics. – 1995. – Vol. 16. – № 3. – P. 239–247.
6. Robertson, R. Globalisation or Glocalisation? / R. Robertson // Journal of International Communication. – 1994. – Vol. 1. – № 1. – P. 33–52.
7. Campbell, C. The Easternization of the West: a thematic account of cultural change in the modern era / C. Campbell. – London: Paradigm Publishers, 2007. – 438 p.
8. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; пер с нем. М. И. Левина. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
9. Nair-Venugopal, S. Easternization: Encroachments in the West / S. Nair-Venugopal, L. K. Hui // The Gaze of the West and Framings of the East. – Berlin: Springer, 2012. – P. 60–76.
10. Рахман, Г. Истернизация. Подъем Азии и спад Америки от Обамы до Трампа и дальше / Г. Рахман. – 2-е изд. – Киев: Баланс Бизнес Букс, 2018. – 416 с.

11. Беляева, О. А. Истернизация молодежной культуры в Санкт-Петербурге: Влияние Корейской волны / О. А. Беляева. – СПб.: Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, 2015. – 112 с.
12. Ильин, В. И. Истернизация русской повседневности: история и современность / В. И. Ильин // Мир России. – 2019. – № 2. – Т. 28. – С. 25–41.
13. Сэлмон, Э. «Халлю». Кумиры корейской поп-культуры / Э. Сэлмон // Корея: через тернии к звездам (1950–2010). 60 удивительных историй корейского чуда / под ред. Ы. Г. Пака, Ч. С. Пака. – Сеул: Корейский институт государственного управления, 2010. – С. 508–516.
14. Южанин, М. А. Этнокультурное развитие и межкультурные отношения в социальном контексте глобализации / М. А. Южанин // Социология власти. – 2011. – № 2. – С. 65–74.
15. Языкович, В. Р. Белорусский государственный университет культуры и искусств как центр международного сотрудничества в области образования, науки и искусства / В. Р. Языкович // Веснік БДУКМ. – 2015. – № 2 (24). – С. 38–46.
16. Тозик, А. А. Сотрудничество университетов – необходимый компонент успешного развития белорусско-китайских взаимоотношений / А. А. Тозик // Развитие белорусско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования в рамках проекта «Пояс и путь»: сб. материалов XXVII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 окт. 2017 г.) / под ред. проф. В. А. Гайсенка, проф. А. А. Тозика. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 44–55.
17. Юй, В. Взаимодействие Беларуси и Китая в сфере культуры на современном этапе: детерминанты, направления и перспективы: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / В. Юй. – Минск, 2018. – 24 с.

Поступила / Received: 18.09.2022